

КАНТ И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Среди широких связей русской общественной мысли с немецкой классической философией Канту до последнего времени не уделялось такого большого внимания, как Шеллингу, Гегелю, Фейербаху, и роль Канта в истории русской общественной мысли изучена все еще недостаточно. Более того, еще не изжит односторонний подход к оценке роли философии Канта в России. Так, в книге А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «Русская философия XI—XIX веков» читаем: «Системы Канта, Фихте и Шеллинга, перенесенные на русскую почву, укрепляют позиции идеалистической философии в России, являясь более опасными противниками материализма, чем открыто враждебные науке религиозно-философские учения»¹. Далее в книге признается «сложность» и «противоречивость» исторической роли шеллингианства в русской философии, но в отношении Канта не отмечается и этого. Что же касается роли философии Канта в умственной жизни России второй четверти XIX в., то об этом в указанном издании, кроме беглого упоминания об изучении Канта Станкевичем, не говорится вообще.

Этот недостаток нашей историко-философской науки в значительной мере преодолевается книгой «Философия Канта и современность» (М., 1974). В разделе этой книги «Кант в России» (автор З. А. Каменский) впервые даются объективные оценки той роли, которую действительно сыграла в России философия Канта. Важное значение имеет также двухтомник «Русские эстетические трактаты первой трети XIX века» (М., 1974), дающий возможность составить картину роли Канта в развитии русской эстетики соответствующего периода. Однако в названных изданиях не учтен целый ряд источников, в том числе за пределами исследования осталось изучение Канта Станкевичем и Бакуниным.

Карамзин был одним из первых русских людей, кто лично познакомился с Кантом и познакомил с ним русскую читающую публику.

Менее известна вторая личная встреча с Кантом русского человека, которым был И. М. Муравьев-Апостол, отец будущих трех декабристов. В 1779 г. он посетил Канта и беседовал с ним «о немецком языке, о литературе, ...о Лессинге, Гердере, Шиллере и наконец о Клопштоке»². Свою встречу с Кантом И. М. Муравьев-Апостол описал в «Письмах из Москвы в Ниж-

ний Новгород», которые были опубликованы в журнале «Сын Отечества» за 1813—1915 гг., причем собственные философско-этические размышления автора свидетельствуют о его знакомстве с философией Канта. Автор приводит также отзыв Канта о Клопштоке: «Выспренность мыслей его,— отвечал мне Кант,— удивительна; но признаюсь вам... я не всегда его понимаю»³. Достойно внимания замечание Муравьева-Апостола о портретном сходстве Канта с Вольтером, его саркастической улыбкой, в изображении скульптора Гудона.

Следует подчеркнуть общий демократический, антифеодальный аспект, в котором воспринималась философия Канта передовыми русскими людьми в конце XVIII—начале XIX вв. Прежде всего, среди первых зарубежных профессоров, работавших в университетах России и знакомивших русскую аудиторию с философией Канта, необходимо упомянуть профессора Московского университета и активного участника масонской ложи Шварца. В «Письме неизвестного лица о московском масонстве XVIII века», опубликованном в «Русском архиве» за 1874 г., имеется свидетельство о том, что «в изложении мыслей Канта и его собственных (профессора Шварца—А. Д.) оказывалась параллель»⁴. О том политическом контексте, в котором излагались Шварцем взгляды Канта, говорит следующее свидетельство того же автора: «Сила, с которой он говорил, смелость (скажу даже безрассудная дерзость), с которой он, не взирая ни на что, бичевал политические и церковные злоупотребления, были удивительны, и не раз боялся я, что ему начнет мстить духовенство и в особенности монашествующие, которых он при всяком удобном случае выставлял самым безжалостным образом»⁵.

Косвенным подтверждением восприятия русскими людьми немецкой классической философии в целом и философии Канта в частности в русле освободительных, антикрепостнических настроений является также свидетельство декабриста Николая Тургенева, обучавшегося в Геттингенском университете, который был в то время одним из центров кантовской философии. «Принадлежа по своему рождению к классу крепостников,— писал Тургенев,— я видел с самого детства тяжелую жизнь миллионов людей, которые стонали в России в цепях рабства, эта вопиющая несправедливость сильно поразила мое молодое воображение и навсегда оставила в моей душе неизгладимое впечатление. Мои занятия в Геттингенском университете только усилили его, показав мне всю ненормальность учреждений, существовавших в моей стране»⁶.

Распространение идей Канта в России совпадало по времени с распространением немецких романтических теорий, и в первую очередь Шеллинга, а затем философии Гегеля. Поэтому, во-первых, философия и эстетика Канта воспринимались и оценивались в России как явление исторически прошедшее, а во-вторых, усвоение и критика философии Канта осуществлялись

через призму романтического или гегельянского миропонимания со всеми их сильными чертами и неизбежной ограниченностью.

Нетрудно видеть, что наряду с общественно-политическим восприятием философии Канта, свойственным русской дворянской революционности, в России с начала XIX в. развивалась также линия академического восприятия Канта. Эта линия русского кантоведения была представлена именами профессоров Москвы, Петербурга и Харькова А. С. Лубкина, Т. Ф. Осиповского, Л. Г. Якоба, А. И. Галича, И. Я. Кронеберга, И. Н. Среднего-Камашева, Н. И. Надеждина. В первых же трудах русских философов о Канте обнаруживается стремление понять философское наследие Канта критического периода в целом и дать его общую оценку. Философ А. П. Лубкин в «Письмах критической философии» (1805 г.) характеризует общую триединую систему критической философии Канта, причем сердцевиной критической философии Канта, «тайной», открытой ею, Лубкин считает представление о пространстве и времени как об априорных свойствах человеческой души.

Наряду с опытами целостного осмысления критической философии Канта в русской научной мысли можно найти оценку и отдельных ее составных частей, и отдельных проблем. В первую очередь это относится к эстетике Канта. В 1813 г. были опубликованы «Начертания эстетики или науки вкуса» Л. Г. Якоба. Этот труд представлял собой добросовестное изложение эстетических идей Канта без какой бы то ни было попытки их исторического осмысления или критики. Но уже И. Н. Средний-Камашев в трактате «О различных мнениях об изящном» (1829 г.) утверждал, что «Кант своим учением открыл новое поприще для эстетики, перенеся ее в сферу философии»⁷. Далее Средний-Камашев критиковал эстетику Канта за субъективизм, отмечая: «Увлеченный подлежательностью форм познания, он и начало красоты заключил в тесные пределы личности, рассматривал ее не в существенном бытии, не так, как оно есть, но по отношению ее к духу человеческому; очевидно, что таким образом изящное должно было перейти у него в понятие подобности с целью, понятие чисто идеальное, определявшееся его идеальным воззрением, которое посему и не могло объяснить ни законов, ни явлений изящного»⁸.

И. Я. Кронеберг в трактате «Исторический взгляд на эстетику» (1830 г.) писал, что философия Канта «отвергла возможность эстетики и вместе с тем дала ей новое направление»⁹. Давая в своих «Материалах для истории эстетики» (1831 г.) глубокое и обоснованное изложение эстетики Канта, заканчивал Кронеберг свой анализ следующими словами: «Кант смотрел на эстетику не с надлежащей точки зрения, и его определение изящного, в котором ни малейшая частица изящного не отражается, не может быть удовлетворительным»¹⁰.

Общей чертой ограниченности критики Канта в русской науке первой трети XIX в. было отсутствие научной методологии. Эта слабость научной методологии очень наглядно сказалась в работах Т. Ф. Осиповского, критиковавшего естественнонаучные взгляды Канта по преимуществу с позиций метафизического материализма. Решительно выступая против учения Канта об априорном характере пространства и времени, утверждая, что «пространство и время суть условия бытия вещей, в самой природе и в них самих, а не в нашем только образе чувствования существующие»¹¹, он вместе с тем выступал и против диалектического единства противоположностей в материальном мире, возможность понимания которого открывалась гносеологией Канта.

Достижением русской академической науки соответствующего периода было правильное понимание исторического места философии Канта. Так в книге А. И. Галича «История философских систем» (1818 г.) историческая заслуга Канта усматривается в преодолении эклектики предшествующих философских систем и поисках ею подлинно научных оснований. Философия Канта, с точки зрения Галича, — это «революция во всем образе мыслей», суть которой в подчинении метафизического знания «нравственному хождению»¹². В своей книге Галич дал целостное изложение теории познания Канта и впервые в России решился на ее развернутую критику. Главное противоречие гносеологии Канта Галич усматривал в том, что «проповедуемый ею неотразимый идеализм ...возмущал здравый смысл человеческого и угрожал всеобщим разрушением: ибо если свойство предметов принималось ею за произведение познающих сил, то почему и бытие предметов не могло быть принято за таковое же умственное произведение?»¹³. И уже прямо указывает Галич на главное противоречие философии Канта, отмечая, что «она, с одной стороны, допускала своеусущную вещь и основывала на ней подлинность познаний, но, с другой, опять и уничтожала ее, объявив неприступною ни для какого понятия, следовательно, ни для понятия бытия, ни причины, ни действия»¹⁴.

В своей «Истории философских систем» Галич характеризовал эстетику Канта в качестве составной части его общей теории познания. Но в своей последующей книге «Опыт науки изящного» (1825 г.) он попытался осуществить исторический подход к эстетике Канта, используя некоторые ее положения для построения собственной теории. Галич объединил в один период эстетику Канта и эстетику Баумгартена и Дидро, характеризуя этот период следующим образом: «Здесь красоту составляло чувственно познаваемое совершенство, т. е. понятие или единства в разнообразии, или множества отношений, или чувственно объемлемой формы соразмерности»¹⁵. Нетрудно видеть, что объединение Канта и Дидро в одном периоде имело у Галича чисто внешний характер. Развивая собственные эсте-

тические положения, Галич широко использовал кантовские категории, трактуемые по преимуществу в романтическом духе. Так он выдвинул учение о высокой, или выпренной и доблестной, красоте, в которой отразилась теория возвышенного Канта.

Иной характер имело изучение философии Канта у молодого профессора Московского университета Н. И. Надеждина. Как и Галич, Надеждин считал себя правоверным шеллингианцем, что не могло не сузить угол его философского зрения. Не был свободен Надеждин и от отвлеченной умозрительности в трактовке философских и эстетических категорий. Тем не менее он обнаружил весьма глубокое понимание философии и эстетики Канта и в плане истории философии, и в плане задач современного ему литературного развития. Наследие Канта Надеждин рассматривает как революцию, составившую целую эпоху в философии и эстетике. Однако в философии Канта Надеждин видит лишь этап для перехода к философии Шеллинга. С позиций шеллинговского объективного идеализма Надеждин критикует Канта за субъективизм. Он выражает сомнения в априорном характере категории времени. Более того, он считает, что «критицизм Канта в самом себе носил семена разрушения»¹⁶, что сама категория прекрасного превращалась у Канта в «трансцендентальный призрак». Надеждин видит распад философии Канта в результате ее внутренних противоречий, и философию Шеллинга он рассматривает как преодоление этих противоречий на высшем, с его точки зрения, этапе философского мышления.

Из эстетики Канта в центре внимания Надеждина оказывается учение о прекрасном и о художнике-гении. Причем, хотя прямо об этом Надеждин и не говорит, обе эти категории он направляет против устаревшего классицизма, а также против плоского дидактизма и ремесленничества в литературе. Показательны представления Надеждина о сущности художника-гения. Различия кантовской и шеллинговской романтической теории гения он видит разве лишь в способе изложения этой теории. Но тем не менее симпатии Надеждина в этой теории оказываются на стороне Канта, а не Шеллинга, точнее, он старается уточнить Шеллинга посредством Канта. Так, в статье «Литературные опасения за будущий год», приводя цитату Канта о том, что гений — это естественное состояние души, через которое природа дает искусству правила, Надеждин комментирует ее следующим образом: «Это значит, что гению принадлежит только высшая исполнительная власть уставов природы, единой верховной законодательницы искусства. Итак, — продолжает Надеждин, — для гения существуют непреложные законы, коим он должен покоряться и за невыполнение коих подлежит суду и ответу»¹⁷. Все это в тех конкретных исторических условиях оказывалось не чем иным, как требованием правды жизни в искусстве.

В отличие от академического, шеллингианского изучения философии Канта, другую линию составляли философские кружки — главным образом московской молодежи. Поэт Баратынский, признаваясь в письме к Пушкину от 1826 г., что сам он не читал Канта, отмечал вместе с тем, что «московская молодежь помешана на трансцендентальной философии»¹⁸. Изучение Канта в московских кружках также велось в рамках идеалистического мировоззрения, однако это были уже в основном позиции философии Гегеля. Здесь следует особо отметить деятельность знаменитого кружка Станкевича. Сам Станкевич обратился к изучению Канта в 1835—1837 гг., когда он был знаком с философией Гегеля. Сообщения Станкевича о его работе над философией Канта занимают важное место в его переписке. Из 20 писем Станкевича, в которых идет речь о Канте, 15 писем относятся к 1835 г., 3 к 1836 г. и 2 к 1837-му, т. е. как раз ко времени активной работы его кружка. Из этих писем видно понимание Станкевичем роли Канта как родоначальника новой немецкой философии, знание философии которого необходимо для освоения последующих систем Фихте, Шеллинга и Гегеля. Также в письмах звучит высокое уважение к Канту и признание его выдающейся роли. «Я благоговею перед Кантом»¹⁹, — писал Станкевич Бакунину в 1835 г.

Изучение Станкевичем философии Канта имело творческий характер, однако оно было резко ограничено и самим материалом изучения, и, главное, идеалистическим мировоззрением русского философа. Об этом можно судить по следующему признанию Станкевича в письме к Бакунину от 15 декабря 1835 г.: «На каждое его [Канта] положение у меня тысяча возражений в запасе; я думал об нем столько, что голову ломило — но посредством своего мышления не доходил до его результатов»²⁰. О направлении изучения Канта Станкевичем и о смысле его несогласия с Кантом можно судить из другого письма к тому же адресату от 21 апреля 1836 г.: «Читая Кантово доказательство существования внешних вещей, я подозревал его несправедливость»²¹. Следовательно, критику Канта Станкевич осуществляет с еще более последовательных субъективистских позиций, чем у самого Канта. И не случайно Станкевич тяготеет к Фихте, как раз порывавшим связи с элементами материализма в философии Канта. Изучение Станкевичем Канта ограничилось только «Критикой чистого разума», хотя он знал о существовании других «Критик», хотя бы, например, из статьи Г. Вилльма «Опыт о философии Гегеля», которую он в 1835 г. перевел для журнала «Телескоп». Из этой же статьи Станкевич знал о критике Канта Гегелем.

В кружке Станкевича Кантом занимался Бакунин. По словам Герцена в «Былом и думах», «Станкевич усадил Бакунина за изучение Канта». И также, по словам Герцена, «Быстрота, с которой Бакунин, тогда еще очень плохо знавший немецкий

язык; усвоил идеи Канта и Гегеля и овладел как диалектическим методом, так и умозрительным содержанием их сочинений,— была поразительной»²². Однако усвоение Бакуниным диалектики имело чисто внешний и по преимуществу догматический характер. Вначале Бакунин склонялся к толкованию немецкого идеализма в теологическом духе. Так, в его письме к А. Беер, апрель 1836 г., читаем: «Проявление бога посредством мысли придает философии завершенный характер. До сих пор это не произошло, но, по-видимому, скоро произойдет, и возможно, что немецкая философия от Канта (Фихте, Шеллинга) до Гегеля предвещала это»²³.

В своем Предисловии к «Гимназическим речам» Гегеля Бакунин характеризовал философию Канта и Фихте как реакцию на предшествовавший им французский материализм. Не питая никакой симпатии к французскому материализму и, более того, считая его тем фактором, «который потряс и чуть было не уничтожил Францию кровавыми и неистовыми сценами революции»²⁴, Бакунин вместе с тем критикует философию Канта и Фихте за субъективизм, «за разрушение всякой объективности, всякой действительности»²⁵. Однако критика субъективизма осуществляется Бакуниным с позиций объективного идеализма в его своеобразном морально-этическом варианте с главными категориями абстрактной любви и блаженства. Критика Канта и Фихте потребовалась Бакунину для того, чтобы обосновать свое главное обвинение в адрес этих философов, именно, что их философия представляла собой «погружение отвлеченного пустого «я» в самолюбивое, эгоистическое самосозерцание, разрушение всякой любви, а следовательно, и всякой жизни, и всякой возможности блаженства»²⁶.

По образцу Гегеля критиковал Бакунин субъективизм гносеологии Канта. Именно: «Канту пришла в голову странная мысль — проверить способность познания прежде приступления к самому познанию. Но спрашивается, какое же другое орудие употребил он для проверки познавательной способности, как не эту же самую познавательную способность?»²⁷

Начиная со второй половины 30-х годов открывается новая страница в русском кантоведении, связанная с формированием русской классической философии в трудах главным образом Белинского и Герцена. Но это уже тема другой работы.

¹ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, с. 142.

² Письма из Москвы в Нижний Новгород.— «Сын Отечества», № 6, 1815, с. 225.

³ Там же.

⁴ Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века. Русский архив 1874 г., книга первая, с. 1035.

⁵ Там же.

⁶ Тургенев Н. Россия и русские. Часть первая. М., 1907, с. 11.

⁷ Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. М., 1974, с. 402.

⁸ Там же, с. 405.

⁹ Там же, с. 298.

¹⁰ Там же, с. 326.

¹¹ Русские просветители. Т. 2. М., 1966, с. 154.

¹² Галич А. История философских систем. Спб., 1818, с. 182.

¹³ Там же, с. 217.

¹⁴ Там же, с. 217—218.

¹⁵ Галич А. Опыт науки изящного. Спб., 1825, с. 7—8.

¹⁶ Надеждин Н. И. Литературная критика, эстетика. М., 1972, с. 311.

¹⁷ Там же, с. 63.

¹⁸ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. в двух томах. Т. 2. Спб., 1894, с. 292.

¹⁹ Переписка Н. В. Станкевича. М., 1914, с. 584.

²⁰ Там же, с. 598.

²¹ Там же, с. 605.

²² Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 7, М., Изд-во АН СССР, с. 753.

²³ Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. 1. М., 1935, с. 260.

²⁴ Там же, с. 171.

²⁵ Там же, с. 170.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 169—170.